

Софья Рубаха

Это последнее лето или Просто говорю "привет"

Софья Рубаха

**Это последнее лето или
Просто говорю «привет»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рубаха С.

Это последнее лето или Просто говорю «привет» / С. Рубаха —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

"Мне было больно смотреть, как они страдают" - именно с этого эпиграфа начинается моя книга. Это история о жителях небольшого городка. Будучи плотно связанными друг с другом, они даже не подозревают о том, насколько сильна эта связь. Люди прячутся в своих скорлупках, боясь быть отвергнутыми, и лишь изредка выходят наружу. Мои герои не исключение. Эта книга - мой диалог с тобой. Эта книга - мой личный мир, в который я впускаю тебя.

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	14
Глава VI	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора

посвящается моей семье

мне было больно смотреть, как они страдают

Глава I

Они бежали по лесу, ломая ветки и царапая ноги. Двое семнадцатилетних подростков. Белокурый и девочка с блестящими голубыми волосами, достававшими ей до самого пояса.

– Знаешь что?.. – закричала Ариэль, раскинув руки и посмотрев в небо. – Я живу чертовски неправильно!

– Значит, я тоже так живу! – рассмеялся Белокурый.

– Почему? – спросила она.

– Потому, что я с тобой, а я повторяю все, что ты делаешь.

Ариэль стерла ноги в кровь, он достал из рюкзака белую клейкую ленту, отрезал кусочек ножиком, подошел к ней и стал заклеивать раны.

– Обязательно нужно где-то упасть, врезаться в столб, порезать ногу бритвой? – спросил Белокурый.

– На себя посмотри, сам вечно с велика падаешь. Все лицо в шрамах.

– Зато не от тусовки Марвэла, а они ребята жесткие. Одним ударом в глаз не отделаешься.

Ладно, пойдем дальше.

Там, в глубине леса, где находится небольшое озеро, о котором мало кто знает, скрыта от глаз могила, заросшая полевыми цветами.

– Ну привет, Энди – поздоровался Белокурый.

«Привет», – прошептали деревья.

– Ненавижу Марвэла, – злобно проговорил Белокурый.

Ариэль пожала плечами.

Они сидели и молча смотрели на могилу. Марвэл с друзьями повесили Энди на проволоке возле его дома за долги. В тот день Ариэль и Белокурый шли со школы, весело болтая. А Энди смиренно покачивался из стороны в сторону на дубе. Приехали менты, родители Энди рыдали, у Ариэль начался нервный смех. Она стояла во дворе, смотрела на Энди и не могла остановиться. Не стоило ему лезть в тусовку Марвэла, если бы он только знал чем все это кончится!.. Но Энди не знал, а тусоваться со взрослыми ребятами было чем-то почетным.

Ариэль и Белокурый каждое воскресенье бегали к Энди на могилу. Энди не мог с ними разговаривать, но иногда на другой стороне озера они его видели. Красивого зеленоглазого мальчишку с черными вихрами и шрамом на горле от проволоки.

– Энди, иди к нам! Давай купаться! – кричал Белокурый.

Энди садился на мостки у озера и смотрел на них. Бывало, он приносил удочку и рыбачил. Рыбу он чистил и оставлял на мостках для друзей.

Ариэль разделась и нырнула. Белокурый побежал за ней. Они могли плавать хоть до самой ночи, но дома ждали родители.

Белокурый вошел в дом, встряхивая мокрой головой. Его мать, худенькая женщина в голубом сарафане, уже приготовила ужин и сидела за столом.

– Где ты был? – спросила она.

– Мы с Ариэль ходили поведать Энди, – ответил Белокурый.

– Ах, Энди!.. – вздохнула мать. – Бедные его родители... Как Ариэль?

– Нормально вроде все. Опять порезала ноги.

– Может быть, ты приведешь ее к нам, я посмотрю и продезинфицирую? Точно знаю, что эта девчонка сама таким никогда заниматься не будет.

– Ну мам, это же Ариэль. У нее в голове одни байки, татуировки и гаечные ключи.

– Она набила татуировку? – встрепелась мать.

– Пока нет, я ее отговариваю, но она очень хочет. Ты же видела Жипа. У него два рукава забиты, а она с отца во всем пример берет.

- Ужас какой. Жип позволяет ей слишком многое, – она вздохнула – садись, ешь.
- Я не голодный.
- А для кого я готовила?
- Ладно.

Белокурый сел за стол и стал ковырять вилкой в макаронах. Дома он всегда чувствовал беспросветную тоску. С тех пор, как умер отец, он остался единственным мужчиной в доме. Ему бы очень хотелось, чтобы мама вышла замуж второй раз за какого-нибудь красивого и умного мужчину, и отдохнула хоть немного, но красивый и умный не появлялся, и с каждым днем Белокурый терял надежду. После ужина он решил зайти к Джину в бар поболтать. Джин – коренастый, накачанный негр с серебряным кольцом в носу, вытирал бокалы.

– Белокурый! – улыбнулся он. – Пивка?

– Пожалуй, – сказал Белокурый.

– Как дела на личном? Как там Ариэль?

– Нет, – Белокурый посмотрел на свои ботинки.

– Белокурый, ты дурень, что ли? Вы с этой девчонкой видите каждый Божий день, а ты даже не поцеловал ее до сих пор?

– Мы друзья, будет странно, если я начну к ней клеиться. Тем более, ей нравятся байкеры, дружки Жипа, с которыми он тусуется. Черт возьми!.. Как же тяжело все!..

– Что тебе тяжело? Поцеловать девчонку, которая нравится? Не будь бабой. Хватит ныть. Взял – и сделал. Не попробуешь, не узнаешь. Белокурый, тебе семнадцать, а у меня иногда ощущение, что тебе семь.

– Ладно, а у тебя что на личном? – попытался перевести стрелки Белокурый.

– Ну... лучше твоего, – ухмыльнулся Джин. – Правда, Марс уехала на два дня, без нее скучно. Все-таки единственная женщина в заведении!

– Мне Ариэль рассказывает в миллион раз меньше, чем Марс, – сказал Белокурый.

– Ой, да брось, они же девушки, тем более, подружки.

– Марвэла не видал?

– Да заходил сегодня.

– Джин, скажи, почему ты не настоящий джин? Я б тебе столько желаний загадал! – произнес Белокурый, потирая глаза руками.

– Слышишь ты, сам себе желания загадывай. И вообще, иди уже баиньки, а то отключишься прямо здесь, как в прошлый раз. Я, конечно, могу тебя на гамаке на веранде уложить, только сам знаешь – мамка волноваться будет. Так что давай, дуй отсюда. Да, и в сотый раз тебе говорю: деньги за пиво отдавать не надо. Не надо!

– Спасибо, Джин! – сказал Белокурый и вышел.

На улице пахло начинающимся дождем. Было темно и только пару звезд горело на небе.

«У меня в глазу тоже есть звезда синего цвета, только ее плохо видно. Так сказала Ариэль», – подумал он перед сном и отключился.

Глава II

По Пальмовой улице шла сногшибательная блондинка с каре по имени Марс Тату. Бордовое платье благородного оттенка и красная помада. Машины начали сигналить, но Марс даже бровью не повела. К чрезмерному вниманию она привыкла еще со школы.

«Умница моя, даже не повернулась!» – пришло ей сообщение.

Рядом на черной панаме ехал Жип.

– Запрыгивай, красотка! – улыбнулся он.

Марс села в машину, Жип положил руку ей на колено.

– Как дела дома? – спросил он.

– Все хорошо, а у тебя?

– Прекрасно! Ариэль за тобой соскучилась, целыми днями только о тебе и говорила. А я непрерывно думал. Сейчас на СТО еду, нужно все проверить. Тебя куда подбросить?

– Закинь к Ариэль, я хочу ее увидеть.

– Так точно, капитан, – улыбнулся Жип. – Давай сегодня вечером встретимся?

– Хорошо.

Не доезжая до дома, Жип остановился, пытаясь поцеловать Марс, но та оттолкнула его и вышла.

– Не здесь, – прошептала она.

– Я заеду за тобой! – сказал Жип.

– Я подумаю и дам знать.

Марс развернулась и ушла. Он наблюдал за ее походкой и думал о том, какая же Марс все-таки странная и загадочная. Поймать ее где-то было удачей, потому что Марс никогда и нигде не было. Вечно занятая, вся в делах и в работе, она стремилась к независимости от кого бы то ни было.

Марс вошла в дом. Ариэль сидела на кухне в голубых пижамных шортах и рисовала стрелки на глазах.

– Марс? – Ариэль удивленно посмотрела на вошедшую. – Охренеть, что ты тут делаешь?

– Ты же знаешь, как я ненавижу ездить домой. С отцом, правда, отношения уже получше, но лишь благодаря тому, что мы редко видимся, – улыбнулась Марс.

– В этом вся соль хороших отношений. Чем вы дальше друг от друга, тем отношения лучше, – засмеялась Ариэль.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно улыбнулась Марс.

– Ниоткуда. Пойдем покурим?

Они вышли на веранду и Марс вдруг впервые за долгое время поняла, что не знает, что сказать лучшей подруге. Просто-напросто не знает. Она могла бы спросить, как у Ариэль дела, с кем она проводит время, признался ли ей в своих чувствах Белокурый, но она не спросила. Раньше они обсуждали свой провальный опыт отношений с мужчинами, который даже не доходил до стадии «отношения» (Марс и Ариэль коллекционировали своих ухажеров и по вечерам обычно болтали о них). Но теперь, когда в ее личной жизни появился человек, с которым стало приятно проводить время, с которым не было непонятных недомолвок-головамолок, человек, чьи сообщения не нужно было расшифровывать по десять тысяч раз придумывая новый смысл, человек с которым все было предельно ясно и просто, человек, который был отцом ее лучшей подруги, Марс поняла, что больше о мужчинах ей говорить совсем не хочется. Раньше они обсуждали мужчин от разъедающего одиночества и это сближало их, но теперь Марс чувствовала себя любимой и от этого чувства все становилось на свои места. Ариэль молча курила, опершись на бортик веранды, и смотрела на море. Ярко-голубое море, как ее волосы. «У нее

голубое все: море возле дома, шорты, волосы, помада, портсигар, стены в комнате и даже ноутбук» – подумала Марс и улыбнулась про себя.

– Почему ты улыбаешься? – спросила Ариэль.

– Просто мне хорошо, – сказала Марс и потянулась, – я все же сварю нам кофе.

Марс достала из холодильника молоко, две керамические кружки из шкафчика и старенькую турку, в которую засыпала кофе, и поставила на огонь. В этом доме Марс знала каждый уголок и могла брать все, что захочет. Она вдруг вспомнила, как впервые вошла в эту кухню. Ей было десять. Мама Ариэль вместе с Жипом готовила им оладьи. А теперь Марс взрослая. И теперь она с Жипом, и именно она готовит на этой кухне оладьи, когда Ариэль нет дома. Подумав об этом, Марс содрогнулась. Сколько раз она оставалась ночевать у Ариэль, а потом среди ночи перебиралась в комнату к Жипу, сколько раз мимоходом встречаясь на лестничной площадке, Жип прижимал ее к стене и быстро целовал. «Как же это мерзко с моей стороны», – подумала Марс, а потом про себя добавила: «Но я ничего не могу с собой поделать. Ничего». Кофе был сварен, Марс залила его в кружки и вышла на веранду к Ариэль.

– Вы встречаетесь с Джинном? – спросила Ариэль.

Отвечать на этот вопрос Марс не хотелось больше всего на свете.

– Послушай, дорогая, – сказала Марс, – я су-шеф в его заведении. Пусть думает, что хочет, лишний кавалер никогда не помешает, но я не встречаюсь с ним и даже не думаю о том, чтобы что-то начать.

– Белокурый разговаривал с ним пару дней назад. Ты, кажется, нравишься Джину.

Джин пронюхал об отношениях Марс и Жипа случайно, когда приезжал на СТО чинить машину. Он увидел их вдвоем в гараже. Жип заключил с ним денежный договор и тот держал язык крепко за зубами, хотя порой ему безумно хотелось рассказать об этом за чаркой в своем баре кому-нибудь из посетителей. Но деньги, которые платил ему Жип, были слишком хороши, чтобы отказаться от них ради очередной сплетни. Знание того, что Джин посвящен в их тайну, мешало Марс работать. Бармен обожал пикантные, интимные истории, и страх потерять хорошую репутацию душил Марс ежедневно. Но вопреки всему, она выбирала Жипа и успокаивала себя тем, что «однажды все изменится в лучшую сторону».

– Ничего страшного. Это мужчины, – коротко ответила она Ариэль. – Я так сильно хочу спать, что, пожалуй, поеду домой.

– Но ты ведь только что пришла! – возразила Ариэль. – Ты можешь остаться у меня.

– Увы, завтра я целый день на кухне. Нужно пораньше встать.

Марс обняла расстроенную подругу, схватила свою черную сумочку, и вышла из дома. Побывать наедине с Жипом ее тянуло с самого утра, но она тщательно скрывала это от него. Дома Марс приняла душ, сделала укладку, обновила макияж и надела самое красивое нижнее белье – синее с кружевами. Поверх она набросила легкий плащ. Жип вскоре приехал.

– Давай заедем в магазин за вином? – предложила Марс игриво.

– Зачем нам за вином? Я уже купил, – улыбнулся Жип, так, словно хотел сказать: «смотри, какой я предусмотрительный, детка».

– Нет, нужно за вином. Я хочу, чтоб ты купил то вино, которое нравится мне. Мое любимое.

– Хорошо, – засмеялся Жип.

Он балдел от сумасшедших идей Марс и ее нестабильности, поэтому старался сделать все возможное для того, чтобы она не ушла. А она могла. Он давал ей деньги, потакал ее прихотям, покупал цветы и баловал как только мог. «Лишь бы она не ушла», – думал Жип. Марс не производила впечатление юной девочки, она вела себя как взрослая, умная женщина. Несоответствие ее возраста с мышлением и внешностью приводило Жипа в восторг.

В магазине никого из покупателей не было. Жип старательно искал вино, которое захотела Марс. Недолго думая, подождав, пока продавцы отойдут, Марс расстегнула плащ. Жип внимательно посмотрел на нее.

– Ах ты ж... моя женщина! – сказал он. – Еще скажи, что ты заставила меня ехать сюда только для того, чтоб продемонстрировать свое нижнее белье в общественном месте.

– Именно для того. Всегда хотела попробовать. Как в кино, – улыбнулась Марс, застегнулась и вышла из магазина. Жип нашел марку вина, которую попросила Марс, расплатился, и вышел следом за ней.

– Поехали, – Марс включила радио, не переставая думать о том, в какой восторг она его привела – глаза Жипа искрились. Эту ночь они провели в отеле. Одеваясь утром, Марс подумала о том, что из ныне живущих на планете земля, она – самая счастливая.

Она шла по знойным улицам и улыбалась от внутреннего спокойствия. Внутри нее цвело женское счастье.

Глава III

Рабочий день на телеканале подошел к концу.

– Закончил и отправил тебе на почту, – сказал Белокурый начальнику и удовлетворенно улыбнулся. Работа на телеканале его утомляла, но ему нравилось писать новости, к тому же, в деньгах он нуждался всегда, а зарплата позволяла спокойно жить, ни в чем себе не отказывая, целый месяц. Начальник был типом странным, по прозвищу Рубашка. Он шутил глупые шутки 24/7, грыз ногти, брился неумело и всегда носил одну и ту же рубашку в голубую клетку. Белокурый ни разу не видел, чтоб тот надел что-нибудь другое. «Интересно, он ее вообще хоть иногда снимает?» – подумал про себя однажды Белокурый. Но все-таки малым он был добрым. Кормил бездомных собак и кошек, писал стихи и рассказы. Рубашка страшно любил свою работу. Если бы телеканал закрыли, он бы, наверное, с горя повесился, предварительно заставив перевешаться всех остальных работников. Белокурый посмеивался иногда над ним про себя – таким нелепым был Рубашка. По вечерам он обычно надирался в хламину, но утром являлся свеженьким и бодрым, за километр пахнувшим жутким дешевым одеколоном, на который он сам же наклеил надпись со своим именем. Рубашка улыбался, разводил руками и говорил: «Мы несем в этот мир свет». В офисе он чувствовал себя Мессией.

– Завтра нужно прийти немного пораньше, – сказал Рубашка. – Работы масса. Зато до обеда управишься.

– Хорошо, – сказал Белокурый, а про себя подумал, что выспаться опять не удастся. Благо, в офисе было еще около двадцати журналистов, нагрузки были небольшими и распределялись равномерно.

Дома он сделал себе сэндвич, вынул из холодильника бутылку пива, и отправился в свою комнату. Мать с работы еще не вернулась. Целый день у него чесались руки открыть ноутбук и наконец приступить к заветному занятию – писать. Писать и еще раз писать. Больше всего на свете он хотел быть писателем, впрочем, как и Ариэль. Иногда они собирались вдвоем, выбирали тему, на которую нужно было написать рассказ, и работали наперегонки. Сидеть и печатать в своей темной комнате – занятие обалденное! Тебя никто не трогает, а ты в это время создаешь свой собственный мир. Большинство рассказов и стихотворений он посвятил ей. Однажды в школе он прочел свое стихотворение перед классом. Ариэль заснула на задней парте (в школе она всегда спала), а он читал и смотрел на нее.

«Вот девочка с ярко-голубыми волосами, похожими на море. Ее знают все. Она ненавидит книжки и тетрадки, плохо учится и мечтает о татуировках. Когда в небе светятся звезды, я вспоминаю ее слова: «У тебя в правом глазу тоже такая есть одна».

Он не знал, понял ли кто-либо из слушающих стихотворение, но то, что оно было посвящено Ариэль, поняли все.

– Белокурый, пиши еще, – сказала ему преподаватель литературы после урока.

– Я буду, – просто ответил он и побрел домой.

Вечером Белокурый собрал пару вещей, сел в машину – маленький, салатовый Фольксваген, и поехал к Филу в другой конец города. Фил был зеленоглазым, веснушчатым скульптором с огромной бородой, отливавшей на солнце медью. Он вышел из дома навстречу Белокурому, веселый, в ярко-желтой футболке.

– Кого я вижу! – Фил помахал ему рукой, – Прости, рукопожатия не будет, я грязный.

– Ничего страшного! – Белокурый похлопал его по спине, – Я привез ром-колу. Или ты в завязке?

– Нет, что ты. Как раз только что закончил работу над новой скульптурой. Ну, как закончил, скажем, на сегодняшний день достаточно. Проходи. Я бы расслабился с удовольствием.

Дом Фила был огромным. Огромным было все: двери, окна, стены. Гостиную Фил превратил в мастерскую. Антикварный зеленый диванчик со столиком, на котором валялись эскизы и наброски. Только и всего. Больше в этой комнате не было ничего, кроме скульптур. Здесь можно было отыскать Энди, Белокурого, Джина и Жипа, Ариэль, Рубашку, Марвэла, Марс, злобных старушек, перемывающих всем кости, сидя на скамье в знойную погоду, продавщицу из булочной и молочника с базара.

– Зачем ты это делаешь? – спросил Белокурый, когда они уселись на диван.

– Я очень хочу, чтоб этих людей помнили, – ответил Фил. – Моя последняя работа, – он указал на белый силуэт, стоящий в конце комнаты.

– Это Моника?

Фил кивнул.

– Вот когда закончу всех лепить, даст Бог, выставку устрою. Так хочется, чтоб каждый себя увидел. Ты, кстати, пишешь?

– Пишу. Подал документы в Литературный. Отправил парочку своих работ, жду ответ.

– Выпьем? – спросил Фил.

– А давай!

Белокурый достал из рюкзака две бутылки.

– Как у вас с Моникой, кстати? – Белокурый посмотрел на Фила.

– Заходит частенько, только я знаю, что ей на самом деле плевать на меня. Порой я даже скучаю.

Моника была передругом-недодевушкой Фила. Двадцатичетырехлетняя брюнетка-анорексичка, тщательно следящая за внешностью, и не разбирающаяся в искусстве вообще.

– Слушай, Фил, тебе не нужно рассказывать мне все, – сказал Белокурый. – У каждого есть свои скелеты в шкафу.

Белокурый не любил разговоры на личные темы. «То, что творится в отношениях, не должен знать никто», – думал он.

– Только эти скелеты иногда хочется кому-то показать. И страшно, когда некому, – ответил Фил. – Моника всегда спокойна. Иногда мне кажется, что она вообще ничего не чувствует. А у меня крыша едет. Я сижу здесь один, среди бронзовых людей, которые даже слова сказать не могут. Стать творческим человеком, Белокурый, помани мое слово, – ответственное решение. Будь готов к тому, что твоя работа нахрен не будет никому нужна. Ну да, а если так посулить, чем таким важным я занимаюсь? Я спасаю людей? Нет. Я одеваю людей? Нет. Я кормлю людей? НЕТ! Порой я чувствую такое одиночество.

– Ну ничего, ничего, вот умрешь и увидишь...

Фил прыснул от смеха. Белокурый тоже засмеялся.

– Нет, ты послушай, правда, гениев признают только после смерти!

– Спасибо, дорогуша! – хохотал Фил.

В ту ночь они выпили достаточное количество спиртного. Наутро Белокурый вскочил с кровати. Работа – было первое, о чем он подумал. Фил спал в соседней комнате. Белокурый закинул вещи в тачку и помчался в офис. Ко всему прочему, в телефоне было сорок пропущенных от матери. От такого количества уведомлений на экране Белокурый посинел, однако, как ни странно, в офис он успел вовремя. Рубашка сидел за столом и жевал жвачку.

– Ты пришел, молодец! – он раскинул руки в своей обычной, торжественной позе. – Благоговяю творить сегодня только добро!

Белокурый уселся за ноутбук и стал отсматривать сюжеты, которые операторы с журналистами сняли вчера вечером. Нужно было составить к ним тексты. Стояла невыносимая жара. В перерыве Белокурый вышел к ларьку, купил воды и облил себя.

– А ты хорошенький, – сказала ему молоденькая продавщица. – Не хочешь где-нибудь посидеть вечером?

– У меня девушка есть, – сказал Белокурый, подумав про Ариэль.

Вечером мать, как обычно, приняла страдальчески-тоскливое выражение и не захотела с ним разговаривать. А он всю ночь лежал и мечтал о том, как подарит Ариэль ожерелье из голубых ракушек.

Глава IV

Восемнадцатое число. Ужасное число. Отвратительнейшее число. Ариэль возненавидела этот день еще сильнее, чем всех живущих на земле людей. На этот день у нее был назначен поход к зубному.

– Па-а-ап... – сказала она сонным голосом, заходя на кухню.

– Ау? – Жип стоял у плиты и жарил оладьи.

– Можно не пойти? Я не хочу. Это больно. Я в прошлый раз чуть не задохнулась у него в кабинете.

– Нет. Лучше зубы сейчас полечить, чем через пару лет ходить без них, – отрезал Жип.

– Ладно, – смирилась Ариэль.

Спорить с отцом насчет походов к врачам было пустой тратой времени, так как Жип сразу же приводил тысячу доводов, почему нужно следить за своим здоровьем. Каждые полгода он водил Ариэль по клиникам и заставлял сдавать анализы. Это было единственное, что он заставлял ее делать. В остальном он предоставлял дочери полную свободу.

Зубного врача Ариэль любила. Потеряйкову было около тридцати восьми, он был ровесником ее отца, носил очки, ходил в церковь, и всегда говорил нежным и тихим голосом. Когда-то он вырвал Жипу половину зубов и вставил вместо них импланты. Молочные зубы Ариэль он тоже не пощадил. Рвать зубы было его страстью, и Ариэль могла только удивляться тому, откуда у такого милого человека тяга к таким жестоким вещам.

– Пап, я свою зубную щетку забыла у Марс. У нас есть запасная?

– Посмотри в шкафчике в ванной. Должна быть.

Но там зубной щетки не оказалось. Ариэль подумала о том, как она с нечищенными зубами придет в клинику и дохнет на Потеряйкова ароматом сигарет.

– Садитесь, садитесь, – сказал Потеряйков.

Ариэль опустила в кресло и он направил диодную лампу прямо ей в лицо. Осмотрел рот и что-то буркнул медсестре.

– Что это? Что у вас за спиной? – спросила Ариэль.

– О нет, я не хотел, чтоб она увидела это, – прошептал Потеряйков, укоризненно глядя на подошедшую медсестру.

– Поздно, – мрачно сказала Ариэль, – я увидела.

Потеряйков держал за спиной огромный шприц.

– Это для анестезии. Я всего лишь четыре укола сделаю. Это не больно.

«Ага, конечно, не больно», – подумала Ариэль.

Он вколол ей первую дозу в десну.

– Тише, тише, тише, – прошептал он.

«Все в порядке, и не такое приходилось терпеть», – подумала Ариэль. За свои семнадцать лет жизни она испытала уже столько боли, что эта казалась самой ничтожной из всех, что ей когда-либо причиняли. Он вставил ей в рот капу, сверху положил синюю резиновую материю и начал сверлить и пломбировать зубы. Ариэль отключилась. Она лежала в его кресле и думала о том, почему он женат. Его первая жена умерла от родов и он остался жить с маленьким сыном один, но спустя пару лет женился на другой девушке, «тоже верующая, наверное», она родила ему двойню. Ей было неприятно, но его руки все-таки были самыми нежными руками в мире. Ариэль еще ни у кого такие не встречала. Больше всего на свете ей хотелось их расцеловать, хотелось, чтоб эти руки погладили ее по лицу или обняли. Через час Потеряйков закончил.

– Готово! – сказал он весело.

Ариэль слезла с кресла. Во рту все онемело и она не могла внятно произнести ни слова.

– Шпашибо, – прошепелявила она.

– У вас есть еще один зуб с кариесом.

«О, Господи, только не это», – подумала Ариэль.

Но Потеряйков уже метнулся к секретарю и попросил записать Ариэль на прием через неделю.

Глава V

– Пап! – закричала Ариэль, войдя в дом. Онемение постепенно проходило. И жгучая боль растекалась по всей челюсти.

Жип сидел в гостиной на диване рядом с Марс.

– Привет! – обрадовано сказала Ариэль.

Жип с Марс переглянулись и оба подумали о том, как вовремя остановились.

– Привет! Да, я захала привезти тебе твою зубную щетку. Жип сказал, ты должна была идти к зубному.

«Идеальная отмазка», – подумала Марс.

– Уже сходила, – сказала Ариэль. – Ты голодная?

– Твой отец уже накормил меня, – улыбнулась Марс.

– Ну, ладно. Покурить не хочешь?

– Уже курила. Только что.

Ариэль постояла в гостиной еще с минуту. Она ждала, что Марс встанет и пойдет с ней поболтать, но Марс продолжала сидеть на диване и не шевелилась. Жип первым сообразил, что из ситуации нужно как-то выкручиваться.

– Ну, все девочки, я вас бросаю здесь одних. Работа! – он похлопал Ариэль по плечу, захватил ключи от машины и вышел.

– С тобой все в порядке? – спросила Ариэль.

Марс выглядела свежей и спокойной.

– Ага, – протянула она.

– Кто он? – спросила Ариэль.

– Он?.. да никого нет. Судя по вопросу это у тебя появился «он», – Марс мастерски умела переводить стрелки.

– Нет, ничего такого. Зубной врач, конечно, обалденный, но женат.

– На то и существуют любовницы, – улыбнулась Марс.

– Марс, что за глупости. Думать об этом даже не хочу.

Но она все-таки подумала. Подумала о том, почему она постоянно влюбляется то в женатых, то в бабников.

Глава VI

Марвэл бродил по стадиону, засунув руки в карман, насвистывая какую-то песенку. От него пахло мятной жвачкой и мужскими духами. Семнадцатилетний шатен в спортивной форме, которого все называли убийцей. Вот уже как несколько месяцев он не мог избавиться от мыслей про Энди. Похороны были закрытыми, мама Энди не позволила Марвэлу прийти. А ведь он был его лучшим другом. Он даже не успел с ним попрощаться. Газеты и социальные сети пестрели заголовками вроде: «Мальчик по кличке Марвэл и его банда – опасные ребята, берегитесь! В свои семнадцать они уже убивают и живут всюю воровской жизнью. Чего еще можно ожидать от мальчика, у которого родители наркоманы и брат аутист?». После смерти Энди на Марвэла посматривали косо. Люди так любят выдумывать себе страшные истории, а потом обсуждать и мусолить их каждый день просто от нечего делать. Марвэл так был занят своей жизнью, что на сплетни у него просто не хватало сил. В этом городе был только один человек, не считавшей его убийцей – его младший брат Эдик. Но Эдик был неуклюжим аутистом, с ним даже в мяч нормально погонять нельзя было. Высокий худой скелет в кривых очках.

– Я зн-а-аю пра-а-ав-ду, – подошел он к Марвэлу на третий день после похорон Энди.

– Какую правду? – спросил Марвэл, уже предвкушая самые прелестные новости о самом себе.

– Ты-ы-ы не-е-е уби-ва-а-ал. Я зна-а-а-ю, – сказал Эдик.

Марвэл посмотрел на него. Он всегда считал его большим дебилом и внимания особо не уделял. Марвэл стеснялся своего брата. Но в тот день ему стало стыдно. Он убежал с другими мальчишками, хлопая у Эдика перед носом дверью, «ты больной, тебе нельзя с нами», – кричал он ему в детстве. Он вспомнил, как однажды разбил лампу. «Кто это сделал?» – набросился отчим на Марвэла с ремнем. «Это Эдик», – сказал Марвэл от страха, зная, что Эдик противоречить не станет, потому что он тупой. Эдик сидел за столом в своей комнате. «Ах, ты тварь!» – накинулся отчим на Эдика и ударил его головой об стол. У Эдика потекла кровь. Он посмотрел на отчима и сказал: «Смотри-и-и, ка-а-а-па-а-ет». Марвэл валил из дома при первой же возможности, а Эдик сидел в своей комнате и наблюдал за тем, как мать расцарапывает отчиму лицо в кровь, потом блюет на пол и лежит в собственной блевотине. «Ма-а-а-ма-а-а, те-бе-е-е над-о-о-о помы-ы-ы-ть-ся», – сказал однажды Эдик, рассматривая лежащую на полу женщину. Стало лучше, когда приехала бабушка. Она забрала Марвэла и Эдика к себе, послав «к черту этих проклятых родителей»

– Пусть пьют, пусть... эгоисты чертовы!..

Она начала водить Эдика в музыкальную школу на скрипку и в кружок актерского мастерства.

Марвэла раздражала скрипка, Эдик и вообще все, что с ним было связано.

– Эдик, хватит пилить на скрипке! – верещал он из соседней комнаты.

– Т-т-те-бе-е-е не н-н-нра-а-а-вится му-у-у-зы-ы-ы-ка? – Эдик поправлял на носу очки.

– Какая еще музыка? Ты вообще ни хрена не умеешь и пилишь черт-те что!

– Жа-а-а-л-ль, что-о-о т-т-те-б-бе не н-н-нра-а-а-вится му-у-у-зы-ка.

Однажды, когда Марвэл привел домой девочку, Эдик так усердно пилил на долбаной скрипке в соседней комнате, что в ушах звенело. Марвэлу это не давало покоя.

– Эдик хватит! У меня гости!

Но Эдик не прекращал.

– Эдик, ты слышал?

Эдик не ответил.

– Черт возьми, Эдик, сколько можно? – Марвэл ворвался в комнату Эдика.

– У м-м-ме-е-е-ня конц-ц-це-е-ерт зав-в-втра, – сказал Эдик.

– Эдик прекрати, иначе я разобью твою скрипку!

Но Эдик не слушал и продолжал играть. Марвэл вырвал у него из рук скрипку и начал бить ею об пол. Струны порвались, а корпус треснул и развалился на две части.

– Доволен, черт возьми? – сказал Марвэл, испытывая наслаждение.

Эдик смотрел на Марвэла и разбитую скрипку своими большими, грустными серыми глазами.

– Т-т-т-е-е-еперь кон-н-нцер-р-рта не-е-е будет.

Марвэл опешил и тут же пожалел о содеянном. Девчонка ушла. Еще сильнее он пожалел, когда это увидела бабушка. Ох и разозлилась она!

– Эдик, – вечером Марвэл приоткрыл дверь к Эдику в комнату.

Эдик сидел за столом и что-то черкал в школьной тетрадке.

– Эдик, прости меня, – сказал Марвэл.

– Хо-ро-о-о-шо, – сказал Эдик.

Марвэл ушел. Через пару минут он вернулся и принес Эдику скетч-бук и акварельные карандаши.

– На, – он неловко положил их на стол, явно стесняясь самого себя в этот момент.

Эдик посмотрел на карандаши, затем перевел удивленный взгляд на Марвэла.

– С-с-спа-си-и-и-бо, – сказал он.

Марвэл вышел и заглянул в щель.

Эдик медленно и трепетно открыл коробчку. Раньше ему никто ничего не дарил.

– Ох, Марвэл. Вторую скрипку я не потяну, – вздохнула бабушка вечером на кухне.

– Я найду деньги, – сказал Марвэл.

С тех пор он начал шататься по стройкам, ресторанчикам и кафе, в поисках работы. Ему было стыдно за свой поступок. Особенно, когда Эдик смотрел на него своим спокойным, безэмоциональным взглядом. «Что ты палишь, как Иисус Христос на меня?» – разозлился на него как-то раз Марвэл. «Я не-е-е Х-х-хрис-с-стос, я Э-э-э-д-д-дик», – сказал младший брат.

Когда Марвэл наконец-то насобирал Эдику на скрипку, на следующий же день закатил вечеринку. Бабушка с Эдиком уехали в церковь. На вечеринке Марвэл надрался в хламину, а утром вдруг обнаружил, что денег нет и он в точности знал, кто эти деньги стырил. Был среди них один такой, вечно тянул все в карман, почему Марвэл с ним водился, он и сам не знал. Гарик убрал все, что нашел, и свалил, пользуясь состоянием окружающих. Как ни пытался потом Марвэл дозвониться до Гарика, ничего из этого не вышло. Найти его он тоже не мог. В тот день Энди с Марвэлом сильно поссорились. Все началось после фразы Энди: «Не нужно выделяться». Марвэл моментально вспыхнул гневом, а через два дня после этого Энди повесился. Почему и зачем – никто не знал. Люди тут же решили, что это Энди украл у Марвэла деньги, и тот повесил его на дубе за его домом всем в назидание. А Марвэл не убивал. И даже когда в полиции Марвэла оправдали, люди отказывались от правды, потому что верить в то, что в их городе живет подросток – настоящий маньяк-убийца, было куда интереснее.

Марвэл не мог простить маме Энди закрытые похороны. Ко всему прочему, он явно чувствовал как Белокурый и Ариэль, с которыми в последнее лето своей жизни Энди подружился, желают, чтоб это он висел на том проклятом дубе, а не Энди. Только Эдик сразу все просек и ходил по городу со словами: «О-о-он-н н-н-не-е-е уб-б-бива-а-ал». Но Эдику никто не верил, потому что Эдик идиот.

Глава VII

Марс лежала в кровати Жипа, сладко потягиваясь. Его огромная рука притянула ее к себе. Он зарылся в копну ее блондинистых волос.

– Обожаю, когда ты пользуешься моим шампунем, – прошептал он.

– Надо на работу, – протянула она.

– Я подброшу тебя. Тем более краситься тебе не зачем, ты и без макияжа прекрасна!

«Конечно прекрасна, – скептически подумала Марс, – я же его не смывала». Она все-таки встала и вышла в ванную. Он смотрел на ее силуэт, ее зад, медленно покачивающийся из стороны в сторону, тугие бедра и зарывался в одеяло от удовольствия. Лучи солнца пронизывали ее тело насквозь, целуя в утренней комнате. И он завидовал солнцу: оно могло целовать Марс ежедневно, с утра до вечера прикасаться к ней, несмотря на ее местонахождение. А он должен был просчитывать даты и время, вычислять, подстраиваться под нее. «Как же мне надоело прятаться. Ненавижу. Как будто мы двое подростков», – думал он, разглядывая потолок. Радовала только мысль о том, что Марс уже есть восемнадцать.

В ванной она смыла макияж и начала рисовать новый. Тональный крем в жизни Марс занимал самое важное место. Без тонального крема она жить не могла. Носила его с собой всегда и везде. «Если в моей сумке однажды не окажется тонального крема, я пойму, что настали плохие времена», – говорила Марс по утрам, когда оставалась у Ариэль. Красилась она обычно долго, в одной руке держа кружку кофе, а второй подкрашивая ресницы. Глаза смыкались. Она даже забыла накрасить губы красной помадой и вышла из ванной какой-то по-домашнему уютной. Жипу страшно не хотелось ее отпускать. Хотелось лежать рядом с ней и целовать.

– Я бы до смерти тебя зацеловал, – сказал он.

– Еще не нацеловался?

– Я ненасытен во всех смыслах.

На улице было прохладно и свежо. Ночное небо еще не успело переодеться в утреннее. Они сели в машину.

– Я хочу курить, – сказала Марс.

Жип достал свой портсигар и протянул ей, затем открыл окно, завел мотор и машина помчалась по трассе. Дым не успевал задержаться в воздухе и моментально растворялся.

– Малыш, я не буду ругать тебя и стараться отучить курить, – сказал Жип, – потому что я сам курю и знаю, какие чувства испытывает курильщик, когда подносит сигарету ко рту и поджигает ее зажигалкой. Это целый оргазм. Но ты все же кури поменьше, ладно?

Он говорил ей такие вещи каждый день и все равно не прекращал дарить портсигары, табак и бумагу для самокруток и вместе с ней по ночам пробовать разные сорта сигар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.